

О «ПЕРЕНОСНОМ» УПОТРЕБЛЕНИИ МЕСТОИМЕНИЯ «Я» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Золян Сурен Тигранович

Балтийский федеральный университет «Им. Канта»

Резюме. Принято считать, что местоимение «Я» может обозначать только говорящего, и не может быть употреблено иным способом. Однако, как продемонстрировано в статье, возможно «переносное» употребление местоимения «Я», то есть те случаи, когда возникает несоответствие между употреблением этого местоимения и обозначением говорящего. Прогматической основой для возможности такого употребления является двойственная, или двухкомпонентная референция местоимения Я, одновременно указывающая на говорящего в ипостаси субъекта речи (высказывания) и как на субъекта предложения. В наиболее общем виде это разграничение может быть представлено как различия между перформативными и дескриптивными аспектами употребления, благодаря чему становится возможным одновременное осуществление семиотически различных операций само- и ино- референции. Вместе с тем в особых модальных контекстах возможно разъединение этих аспектов, что приводит к многозначности и их переносному (метафорическому) употреблению.

Ключевые слова: местоимение «Я»; само- и ино-референция; перформативное и дескриптивное употребление; Эмиль Бенвенист; В. В. Виноградов

1. Местоимение «Я» – ключевое понятие прагматической семантики языка, благодаря ему обеспечивается взаимодействие языковой системы и контекста. Применительно к семантике местоимения «я» утвердилась точка зрения, с предельной четкостью сформулированная Эмилем Бенвенистом: «Тот есть “ego”, кто говорит “ego”» (Benvenist 1974, p. 294). В силу этого, как было отмечено еще В. В. Виноградовым, «с грамматической точки зрения наиболее устойчива и наименее многозначна форма 1-го лица единственного числа как форма субъекта речи» (Vinogradov 1986, p. 377). Но он же и оговаривал: «Правда, в некоторых случаях возможно экспрессивное замещение формы 1-го лица формой 3-го лица, когда субъект характеризует себя со стороны как

постороннее лицо» (Vinogradov 1986, p. 377). Тем самым В. В. Виноградов предусматривал возможность для говорящего не только само-референции, но и ино-референции (в его терминах - небуквального или переносного употребления). Так, он называл «ближайшим переносным значением формы 2-го лица» случаи, когда оно используется говорящим для обозначения не собеседника а самого себя» (Vinogradov 1986, p. 374).

Эти фрагментарно высказанные идеи можно дополнить и развить в свете современных логико-семантических теорий. Ранее нами были выделены различные аспекты прагматосемантики «Я», показано, что, следует основываться на разграничении перформативного и констативного аспектов высказывания, или, что терминологически представляется предпочтительнее, перформативном и дескриптивного модуса употребления (Zolyan 2023). Разграничение между тем, кто говорит и о ком говорят, в случае местоимения «Я», обычно оказывается нейтрализованным. Однако возможны контексты, где оно может быть актуализовано, и тогда создаются возможности для переносных значений, которые и стали предметом рассмотрения в данной статье.

2. Вопреки формуле Бенвениста, говорящий может обозначать себя и иным способом, чем местоимение *Я*. Так, весьма распространено *Мы* или говорение о себе в третьем лице, когда используется имя собственное. С другой стороны, «Я» может обозначать не реального говорящего, а некоторого воображаемого индивида (ср.: «Я убит подо Ржевом»; Твардовский; «То, что я сейчас говорю, говорю не я»; О. Мандельштам). Сам Бенвенист счел нужным оговорить: «Определение может быть уточнено следующим образом: *я* – это тот индивид, который производит речевой акт, содержащий акт производства языковой формы *я*» (Бенвенист, с. 274). Как видим, в этом определении фигурируют уже два *Я*: *Я* – производящий языковой акт индивид и *Я* – результат производства языковой формы. Как правило, эти «Я» кореферентны. Однако само раздвоение делает возможными ситуации, когда эти «Я» рассогласовываются: «Я-индивид выражается отличной от Я-местоимения формой, а форма «Я» отсылает не к говорящему, а к другой языковой форме (например, «Я-рассказчик, Я- лирический герой, Я – обобщенный говорящий, и т.п.). Тем самым становится очевидным, что возможность ино-референции заложена и в семантике самого местоимения «я», и для этого не требуется его замена на формы третьего лица или имя собственное. Местоимение «Я» является многозначным, одновременно обозначая как субъекта речи, так и того же субъекта, описывающего себя со стороны как *постороннее лицо* (если воспользоваться словами В. В. Виноградова). Вместе с тем возможные транспозиции (обозначение говорящим себя посредством второго или третьего лица, делегирование функций говорящего иному реальному или вымышленному субъекту, модальные трансформации и т.п.) могут нарушать эту спаянность, и тогда двулика, но единая семантика «Я» расщепляется. В целом возможны

два случая. Один из них условно может считаться проявлением синонимии (один и тот же говорящий обозначается посредством двух различных форм: например, как то часто встречалось в выступлениях последнего президента СССР – *Я* и *Михаил Сергеевич*). Второй есть проявление омонимии, поскольку местоимение «Я» относится к различным индивидам или же – в альтернативной версии модальной семантике, к одному и тому же индивиду, но в альтернативных мирах (Если бы я был Макроном, то я бы жил в Париже). Манифестация подобных семантических отношений в русском языке имеет ряд особенностей, которые могут быть выявлены на фоне экспликации универсальных характеристик механизмов само- и инореференции.

3. Наиболее существенным представляется разграничение между Я-перформативным и Я-дескриптивным: между тем «я», которое говорит (описывает) и тем, о котором говорит (которое описывает) первое «Я». Это разграничение получило название *перформативной гипотезы*: «Все повествовательные предложения, встречающиеся в контекстах, в которых могут появляться местоимения первого лица, производны от глубинных структур, содержащих одно и только одно перформативное предложение более высокого уровня, в котором главный глаголом является глагол говорения (Ross 1970, p. 253) (перевод наш). Различие между этими «я» не ограничивается их локализацией на различных семантико-синтаксических уровнях, оно затрагивает различие в их статусах. Одно Я, говорящее, отсылает к «Я-описываемому. При этом Я-описываемое может быть оформлено как грамматический объект (*[Я говорю] Она меня любит*). Между этими я могут быть установлены различные отношения: *субстанциональное тождество/различие* или же *корелативность* – *отсутствие корелативности*.

Такое понимание может быть расширено. Любое высказывание предполагает вводное главное предложение *Я говорю здесь и сейчас*, или его собственно перформативную модификацию: «*Я прошу...*», «*Я приказываю...*», «*Я обещаю*» и т.п. Это предложение-перформатив может быть не выражено в поверхностной структуре, однако может найти в нем отражение. Эти показывают, что главное различие заключается в статусах – говорящий субъект высказывания может занять по отношению к самому себе различную позицию – представить себя как грамматический субъект или же объект описания. Тем самым можно дополнить перформативную гипотезу, связав ее с вышеприведенным пониманием «Я» как отношения высказывания к мета-описывающей структуре. Я-перформативное описывает Я – *кто говорит*), Я-дескриптивное – есть объект описания, *Я-тот, о ком говорят*. Безусловно, рефлексивная петля, о которой говорил Бенвенист, отождествляет их, и они, как правило, субстанционально идентичны и семантически корелативны: Y_1 – *кто говорит*; Y_2 – *о ком говорит тот Я, кто говорит «Я»*.

Однако поскольку эти «Я» задействованы в различных ситуациях, к ним «Я» применимы различные семантические процедуры. Так, высказывание

(Y_1 говорю) Y_2 приехал в Париж может предполагать ответ – *Это неправда*. Отрицание может быть понято двояко: *Неверно: Сурен не приезжал в Париж* или же *Неверно: Сурен не говорил такого*. Различия между Y_1 и Y_2 как проявление различия в их статусах наглядно видно из сопоставления разных вариантов отрицания от первого лица: первое, буквальное, явно абсурдно: (Y говорю) *Я сказал что я приехал в Питер, но на самом деле я этого не говорил*. В зависимости от того, что отрицается – ситуация говорения или же ситуация приезда – высказывание оценивается по-разному – как опровержение или же как признание в обмане.

На различие в статусах накладывается и различие в контекстуализации. Я-перформативное может быть локализовано только здесь и сейчас и оформлено только и только в настоящем времени. Я-дескриптивное может быть передвинуто в различные времена и контексты, в том числе и невозможные (*Я создал вечный двигатель*).

4. Ю. С. Степановым было предложено описывать взаимоотношения между «я» и «ты» как операцию метафоры: это «передвижения слова «я» на другую субстанцию, которая станет *Я* только в одном, не субстанциональном, отношении – в том отношении, что займет мое место в акте речи» (Stepanov 1985, p. 228). Различие между перформативным «Я», самим говорящим, и Я-дескриптивным, обозначающим говорящего, также можно трактовать как разграничение формы и субстанции. К таким случаям можно отнести модальные контексты, например «Я мог быть сейчас в Питере» – говорящий как субстанция находится здесь, тогда как описываемый субъект предложения находится в Питере.

Как другое проявление метафоры, можно рассматривать и герменевтические практики наложения на текст двух авторов; в предельных случаях это, с одной стороны, «Я»-автор текста, с другой – «Я»-читатель, «я»-текста. Насколько причудливыми могут быть отношения референции «Я» в модальных контекстах, свидетельствует Пушкинский фрагмент «Когда б я был царь», в котором *Я* – Пушкин в пределах одного предложения переносится на *Я* – царь Александр, а Пушкин занимает позицию *Ты*: *Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: «Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи*. Заметим, что в подобных модальных перемещениях определяющим оказывается фактор перформативного говорящего, относительно которого происходит согласование сказуемых. Перформативное «Я», даже будучи не выраженным, подчиняет себе предикат предложения. Так, в русском языке очевидно, что говорящий, даже идентифицируя себя с лицом противоположного пола, сохраняет свои оригинальный пол (точнее, грамматический род). Так, говорящий-мужчина должен употребить *Если б я был Мишель Обама, я бы жил в Белом Доме*, тогда как говорящий-женщина должна употребить *Если б я была Барак Обама, я бы жила в Белом Доме*.

Так, Анна Каренина, представляя себя в образе Каренина, говорит о гипотетической себе-как-Каренине в женском роде, тогда как говоря о ком-нибудь-как-Каренине – в мужском, при этом о реальной самой себе говорит и в первом, и в третьем лице (*эту жену, такую, как я*).

О, если бы я была на его месте, если бы кто-нибудь был на его месте, я бы давно убила, я бы разорвала на куски эту жену, такую, как я, а не говорила бы: *ma chère, Анна*» (Л. Толстой. Анна Каренина. Часть 4, гл.3).¹

Безусловно, это тот перформативный говорящий, которому приписывается высказывание, а не его реальный автор: так, высказывания Татьяны Лариной о себе – *Онегин, я была моложе* – оформляются в женском роде, хотя их реальный автор – Пушкин.

Обратная ситуация имеет место при употреблении возвратного местоимения себя, поскольку «оно может относиться только к тому лицу, которое сознается субъектом действий или состояний, выраженных в слове, «подчиняющем (прямо или косвенно) данное местоимение» (Vinogradov 1974, p. 272). Поэтому местоимения «меня», «мне» появляется в предложениях, где субъект говорения, тот, кто говорит, не является субъектом предложения, – тем, о ком говорится: (*Я говорю:*) *Он обманул меня*, в противном случае используется *себя* (*Я говорю:*) *Я обманул себя*.

Поскольку перформативное Я – это не столько физическая субстанция, сколько социальная, то она определяется набором полномочий и контекстуальных характеристик, существенных для успешной реализации речевого акта (я-говорящий, выступающий как судья, священник и т. п.). Так, высказывание «Я осуждаю» будет иметь раздичную силу, если произносящий его судья высказывает его в официальной или семейной обстановке. Поэтому возможно и иное направление транспозиции – когда уточняется, какому именно перформативному «Я» кореферентно «Я» дескриптивное. Вследствие этого при уникальности говорящего перформативное «Я» также может быть многозначно: один и тот же физический говорящий может выступать в различных перформативных ипостасях. Поэтому возможны неоднозначные отношения между Я-актуальным говорящим и перформативным «Я» высказывания в различных семиотических статусах, предполагающих различный объем полномочий и ответственности. Например, одно и то же физическое лицо может говорить как представитель того или иного института, что изменяет статус говорящего «Я».²

5. Еще одним проявлением метафорического переноса местоименного значения является замена дескриптивного «Я», взгляда на самого себя со стороны, формами второго и третьего лица. И Виноградов, и Бенвенист особо отмечали легкость, при которой я-дескриптивное выражается формами второго лица³. В этом случае Я-говорящий описывает себя с точки зрения своего актуального или потенциального собеседника. Следует отметить, что при

таким употреблении транспозиция предполагает отсылку к чужому высказыванию. Например: *(Я, Сурен, говорю): Они набедокурят, а я/ты отвечай.* В случае использования *ты* очевиден цитатный характер высказывания (*кто-то скажет мне: отвечай*), что не столь явно при употреблении первого лица. Примечательно, что в случае замены на третье лицо требуется индивидуализация: *(Я, Сурен, говорю): Они набедокурят, а я/ Сурен отвечай* - «я» может быть заменено на имя собственное, но не на местоимение «Он». Приведенный В. В. Виноградовым (Vinogradov 1974, p. 377) уникальный случай подобной замены показывает, что такие случаи не только крайне редки, но и для адекватного понимания требуют особого пояснения: в самом тексте указывается на квази-цитатный характер такой референции.⁴

6. Заклучая, можно заметить, что устойчивым и не подлежащим изменению является перформативное (само-описывающе, само-референтное) «Я» говорящего, которое и выступает как говорящее «Я». С ним оказывается слитным референция к описываемому (ино-референтному, дескриптивному) «Я». Однако в особых контекстах (модальных, интертекстуальных, институциональных) это второе «я» может получать иное выражение и быть заменено местоимениями второго лица или существительными. Это создает возможность для т.н. переносного (метафорического или метонимического) употребления, когда второе «я» может не совпадать с физическим говорящим.

Благодарности

Исследование было поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта.

БЕЛЕЖКИ

- 1 Это противопоставление оказывается утраченным при переводах на языки, в которых отсутствует грамматический род. Ср.: «Oh, if I'd been in his place, I'd long ago have killed, have torn to pieces a wife like me. I wouldn't have said, 'Anna, ma chere'!» (пер. Constance Garnett); “Եթե ես լինեի նրա տեղը, վաղուց կսպանեի, կսպառնալտեի, կտոր-կտոր կանեի այդպիսի կնոջը, որպիսին ես եմ, այլ ոչ թե ասեի. դու, ma chere.” (пер. на армянский Ваана Тер-Аракеляна). В обоих переводах опущено: *«если бы кто-нибудь был на его месте»*.
- 2 Ср.: «„1880 год, министр внутренних дел граф Лорис-Меликов вызвал к себе торговцев хлебом в связи с ростом цен на оный. Выслушав их аргументы о засухе, удорожании ржи и пшеницы, жалобы на дороговизну кредита и складов и отчасти согласившись с ними, граф напомнил, что он не только министр, но и шеф жандармов. На следующий день в газетах начали появляться сообщения о снижении цен“». –

<https://www.kommersant.ru/doc/2664511>; дата доступа: 23. 03. 2023. Дело в том, что как шеф жандармов Лорис-Меликов имел право выслать своих собеседников в ссылку без решения суда, чего он не мог позволить себе в качестве министра. Тем самым ему потребовалось эксплицитно объяснить, к какому из его институциональных статусов отсылает «Я» производимого им речевого акта.

- 3 «Ближайшим переносным значением формы 2-го лица, прежде всего, естественно, связываемой с представлением о конкретном единичном собеседнике, является применение ее к самому говорящему лицу как к потенциальному представителю любого собеседника. При таком употреблении формы 2-го лица собеседник ставится в положение самого говорящего лица». — *Виноградов*, ук.соч., с. 374. Примерно так же, ссылаясь в том числе и на данные русского языка, описывает этот перенос и Бенвенист (Benvenist 1974, p. 317).
- 4 Ср. у Л. Толстого в «Войне и мире» — о Наташе: «Это удивительно, как я умна, и как... она мила», — продолжала она, говоря про себя в третьем лице и воображая, что это говорит про нее какой-то очень умный, самый умный и самый хороший мужчина».

ЛИТЕРАТУРА

- БЕНВЕНИСТ, Э., 1974. *Общая лингвистика*. Москва: Прогресс.
- ВИНОГРАДОВ, В., 1986. *В. Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, 3-е изд., испр., Москва: Высшая школа.
- ЗОЛЯН С. Т., 2023. Местоимение «я»: механизм само- и ино-описания. *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*, № 2, с. 26 – 39.
- СТЕПАНОВ Ю.С., 1985. *В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства*. Москва: Наука.

Acknowledgment

The research was supported by the Strategic Academic Leadership Programme “Priority 2030” of the Immanuel Kant Baltic Federal University.

REFERENCES

- BENVENIST, Э., 1974. *Obshtaya lingvistika*. Moskva: Progress.
- VINOGRADOV, V., 1986. *V. Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*, 3-e izd., ispr., Moskva: Vysshaya shkola.
- ZOLYAN S. T., 2023. Mestoimenie «ya»: mehanizm samo- i ino-opisania. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*, no 2, pp. 26 – 39.

ROSS, J.R., 1970. On Declarative Sentences. R.A. Jacobs and P.S. Rosenbaum, eds. *Readings in English Transformational Grammar*. Ginn: Waltham, Mass.

ON THE “FIGURATIVE” USE OF THE PRONOUN “I” (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

Abstract. It is generally accepted that the pronoun “I” can only refer to the speaker, and cannot be used in any other way. However, as demonstrated in the article, the “figurative” use of the pronoun “I” is also possible, when a discrepancy between the use of this pronoun and the designation of the speaker may occur. The pragmatic semantic basis for the possibility of such use is the dual, or two-component reference of the pronoun “I”, which simultaneously indicates the speaker in the hypostasis of the subject of speech (utterance) and as the subject of the sentence. In the most general form, this distinction can be represented as a distinction between performative and descriptive aspects of usage; and this makes it possible to simultaneously carry out semiotically different operations of self- and other-reference. At the same time, in special modal contexts, it is possible to separate these aspects, which may cause polysemy and the figurative (metaphorical) use of the pronoun “I”.

Keywords: the pronoun “I”; self- and other-reference; performative and descriptive usage; E. Benveniste; V. Vinogradov

✉ **ZolyanTigranovich**

Im. Kant Baltic Federal University

Kaliningrad, Russia

E-mail: surenzolyan@gmail.com